

Для выявления связи между показателями дополнительных шкал СМЛ ("сырые" баллы) и данными анализа дисциплинарной практики использовался точечный бисериальный коэффициент корреляции Пирсона (1). Для группы, которая отрицательно характеризовалась по дисциплине, была получена умеренная корреляция со шкалой 052 DG (преступность) — показатели выше в девиантной группе, 049 DO (доминирование) — показатели выше в контрольной группе; незначительная корреляция была получена также со шкалами: 186 JC2C (плохое сдерживание импульсивности), 108 MA (гипомания), 047 DC (преступность), 019 B (отзывчивость) — показатели выше в девиантной группе. Из шкал опросника Басса-Дарки незначительная корреляция была получена со шкалой "чувство вины", показатели которой в девиантной группе ниже, чем в контрольной. Для группы, характеризующейся низкой академической успеваемостью, умеренная корреляция была получена со шкалами 016 AT (явная тревога), 026 N (нормальность), 180 JS (чистая шизофрения), показатели которых в девиантной группе были выше, чем в контрольной. Можно предположить, что показатели этих шкал имеют наибольшее значение в плане прогноза девиантного поведения.

Была также получена умеренная положительная корреляция показателей агрессивности с некоторыми шкалами СМЛ (в скобках приведено значение коэффициента корреляции): 047 DC (преступность) — косвенная агрессия (0,315), 047 DC (преступность) — обида (0,345), 052 DG (преступность) — подозрительность (0,327), 099 JB (осознанная враждебность) — косвенная агрессия (0,404), 099 JB (осознанная враждебность) — раздражение (0,353), 077 HO (враждебность) — косвенная агрессия (0,322), 108 MA (гипомания) — раздражение (0,323), 108 MA (гипомания) — подозрительность (0,319), 016 AT (явная тревога) — раздражение (0,319), 026 CH (самоконтроль) — раздражение (0,324). Можно предположить, что повышение по этим шкалам будет сопровождаться повышением уровня агрессивности.

Итак, соотношение выделенных групп (усредненных портретов) на этапе отбывания наказания в соотношении с начальным этапом служебной деятельности, дополненный показателями дисциплинарной практики, свидетельствует о возможности формирования групп с высоким риском противоправного поведения и осуществления на их основе комплекса мероприятий (включая оперативные) для осуществления профилактики рассматриваемой проблемы.

Поиск маркеров девиантного поведения целесообразно рассматривать как самостоятель-

ное перспективное направление научного поиска. Полученные на основе психо-социометрии результаты свидетельствуют о возможности выделения маркеров отклоняющегося и, в частности, группового противоправного поведения уже на начальных этапах служебной деятельности в органах внутренних дел. Так, использование СМЛ позволяет выявить девиантные группы на раннем этапе прохождения службы.

Результаты исследования свидетельствуют о возможности выделения характерных особенностей субъектов, обладающих признаками группового преступного поведения, что может существенным образом повлиять на пересмотр традиционных представлений в рамках учения о криминалистической характеристике преступных групп.

Литература

1. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психологической диагностике. — Киев, 1989. — С. 63-65
2. Осипова О.С. Методологическое обоснование социогенеза: классические подходы и инновации. — Гомель, 1997. — С. 318-420.
3. Основы социально-психологической теории / Под ред. А.А.Бодалева и А.Н.Сухова. — М., 1995. — С. 78-91.
4. Ратинов А.Р. Юридическая психология и проблемы борьбы с преступностью // Вопросы борьбы с преступностью. — Вып. 38. — М., 1983. — С. 46.
5. Румянцева Т.Г. Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии // Вопросы психологии. — 1991. — Т. 12. — № 1. — С. 87.
6. Собчик Л.Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. — М., 1990.

СОЦИАЛЬНАЯ НОРМА И ДЕВИАЦИЯ

Канд. философ. наук **Л.С.Баширова**

Омская академия МВД России

Научный анализ девиантного поведения приобретает для современной России особую актуальность в силу ряда причин. Во-первых, распространение социально негативных типов девиантного поведения усугубляет социально-экономическую и политико-правовую ситуацию в стране, негативно отражается в массовом сознании и выступает серьезным тормозящим фактором общественного развития. Во-вторых, реформирование общества, основное содержание которого составляют становление рыночного типа экономики и либерализация общественной жизни, сопровождается динамичными изменениями социально-стратификационной структуры общества и массовой маргинализа-

цией общественной жизни. Тем самым значительно расширяется социальная база различных форм отклоняющегося поведения. В-третьих, экономический кризис, сопряженный с разрушением механизмов государственной власти, стимулирует процесс криминализации общественной жизни и распространение противоправного поведения. Отклоняющееся поведение охватило значительную часть социальных институтов, слоев, групп и индивидов. Оно приобретает массовый характер и зачастую воспринимается как общеприемлемый стиль поведения.

Кроме того, эта тема относится к числу малоисследованных, дискуссионных и, безусловно, требует глубокой научной разработки.

В отечественной социологии в толковании девиантного поведения доминирует структурно-функциональный подход. Это связано с освоением опыта зарубежной социологии девиантного поведения. Отечественные исследователи (Я.И.Гилинский, В.И.Кудрявцев, В.С.Афанасьев и др.) отмечают, что понятие “девиация” (от латинского *deviatio* — отклонение от дороги) имеет смысл лишь в связи с понятием “норма”. Они указывают на многоаспектный характер этого социального феномена и многообразие детерминирующих его факторов. В связи с этим представляется важным анализ понятия “социальная норма” в отечественном дискурсе девиантного поведения.

Как известно, общество представляет собой исторически сложившуюся совокупность отношений между людьми. Эти отношения (взаимодействия) в значительной степени носят стихийный характер, но они не являются хаотичными, беспорядочными. В процессе исторического развития в социуме объективно возникают регуляторы социальных связей, вследствие чего он существует и развивается как целостная система. К числу таких регуляторов можно отнести социальные ценности и социальные нормы. Первые являются принципиальными, фундаментальными ориентирами общественной жизни. Они осуществляют самую общую, стратегическую регуляцию поведения людей и социальных групп. Вторые представляют собой общезначимые правила поведения, санкционируемые обществом или социальной группой.

Социальная норма определяет исторически сложившийся в конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей, социальных групп, социальных институтов. Социальные нормы могут быть зафиксированы в письменных документах (законах, уставах, религиозных текстах) и могут существовать во мнениях, взглядах, обычаях, традициях. Однако всем им свойственны три основных способа регулирования:

дозволение — указание на варианты поведения, которые не запрещены, желательны, но не обязательны;

предписание — указание на требуемые действия;

запрет — указание на действия, которые не следует совершать.

В отличие от недавнего прошлого, когда действовал принцип “запрещено все, что не приказано (дозволено)”, в современных условиях утверждается новый принцип общественной жизни: “разрешено все, что не запрещено законом”.

Некоторые исследователи (В.Н.Кудрявцев, Е.М.Пеньков) выделяют нормы-правила и нормы-ожидания. Первые регулируют поведение человека в наиболее важные моменты социальной жизни, вторые представляют собой ожидание желательного поведения (например, поведения, соответствующего социальному статусу). Различают также запрещающие и поощряющие нормы. Последние предполагают призыв к определенному образу действий (типа “будь активен” или “проявляй инициативу”). Существует довольно большое количество нормативных систем. Есть нормы религиозные, эстетические, обычаи и традиции и т.д., однако в данном случае основными являются право и мораль.

Право представляет собой систему общеобязательных правил поведения (норм), установленных или санкционированных государством. Для правовых норм характерны текстуальное закрепление, издание и отмена их в официальном порядке, четкое и однозначное описание варианта либо границ поведения, наличие ясно обозначенной санкции, обеспечение их соблюдения силой государства. **Право** — объективная, внешняя по отношению к индивиду система правил, руководящая его поведением. Правовые нормы всегда связаны с внешним авторитетом (законом или государственной властью).

Мораль — это система принципов и правил поведения, выражающих принятые в обществе взгляды на добро и зло, честь и совесть, долг и справедливость. Мораль неоднородна. Можно выделить общепринятую мораль и мораль определенных социальных слоев и групп.

В отличие от права, мораль, во-первых, несет оценочную нагрузку (хорошо–плохо, справедливо–несправедливо), во-вторых, в связи с этим ее нормы действуют прежде всего через внутренние психологические механизмы, где на первый план выступают такие понятия, как совесть, долг, честь и т.д. Внешняя (общественная или групповая) оценка поступка всегда преломляется через нравственные принципы человека. Для моральных норм характерна несущественность текстуального закрепления. Соблюдение моральных норм осуществляется авторитетом

общественности и, в первую очередь, малой социальной группой. Санкция за нарушение моральных норм проявляется в виде общественно-го осуждения.

Как правило, требования морали и права совпадают. Воровство аморально, а хищение имущества наказывается в административном или уголовном порядке, то же относится к насильственным действиям, клевете и т.п. Однако в некоторых случаях моральная и правовая оценка того или иного поступка неадекватны. Так, человек может поступить вполне правомерно, но при этом совершенно безнравственно, и наоборот. Это связано с несовершенством самих нормативных систем, а также, в некоторых случаях, с нравственными императивами субкультур, не совпадающих с общепринятыми правовыми и моральными нормами, например, обычай кровной мести, “разборки” в среде подростков и т.д.

Итак, мы видим в отечественном дискурсе девиантности, в отличие от западного, жесткое закрепление понятия “социальная норма”, четко обозначающего границы между нормой и девиантом. Западная же социология девиации в последние 10 лет подвергается радикальной переориентации. Эта переориентация, как считает Стенли Кохен в работе “Народные бесы и моральные паники” (Оксфорд, 1987) — часть того, что может быть названо “скептической революцией” в криминологии и социологии девиации. Старая традиция была “канонической” в том смысле, что признавала существование неких понятий как авторитарных, стандартных, принимаемых. Новая традиция, безусловно, заслуживает внимания, скептична в том смысле, что когда встречаются термины типа “девиантный”, то спрашивается — “девиантный по отношению к кому?” или “девиант от чего?”, когда определенное поведение описывается как дисфункциональное, угрожающее или опасное, спрашивается, “кто установил и почему?”.

Эмпирическое существование форм поведения, на которое навешаны “ярлыки” девиации, и тот факт, что сам человек может решить быть девиантом, не должно вести нас к предположению, что девиация — внутренне присущее качество. Следует заметить, что неоднозначность трактовки нормы и ее критериев начинает проявляться и в отечественной социологической литературе. Так, В.М.Димов считает, что в дискурсе девиантности мы должны говорить не о нормах вообще (биологических, медицинских, юридических и т.д.), а о нормах социальных. Социальные же нормы исторически изменчивы. То, что вчера считалось нормой, сегодня может оказаться девиантом, и наоборот (3, 46). Анализируя понятия “норма” и “девиация”, В.М.Димов приходит к такому выводу: прин-

ципиальным критерием, определяющим категорию “социальная норма”, служит разрушающее воздействие девиации (наркотизма, алкоголизма и т.п.) на здоровье отдельного человека и социума, причем такого рода разрушающего воздействия, которое являет собой реальную угрозу выживания социально-биологического вида *Homo sapiens*. Это и есть та граница, которая отделяет норму от девиации. Естественно, что по обе стороны от границы возникает масса пограничных ситуаций, которые зачастую затрудняют идентификацию социального явления.

Сказанное относится прежде всего к молодежной девиации. Проституция и алкоголизм, наркомания, суицид и преступность помолодели. Сейчас специалистов уже не удивит тем, что 13-14-летняя девочка занимается проституцией, 13-летний подросток стоит на учете по поводу алкоголизма или наркотизма.

Не имея жизненного опыта и не умея предвидеть социальные, физиологические последствия проституции, алкоголизма, наркотизма, подростки не считают их отклонением от нормы. Массовое распространение их создает у подростков иллюзию нормального поведения. Возникает подростковая, молодежная субкультура со своими “нормами”, разрешающими делать все, что хочется, и минимальными табу, схожими с воровскими “законами”, запрещающими “предать своих”. В итоге отрицаются нормы, установленные взрослыми, обществом и насаждаются свои представления о нормальном и ненормальном поведении. Складывается подростковая, молодежная система ценностных ориентаций со своими приоритетами и авторитетами. Разрушение диалектической взаимосвязи материальных и духовных ценностей создает побудительные стимулы к формированию ценностных ориентаций, соответствующих асоциальному поведению. Оно ведет к возникновению, с одной стороны, бездуховности, с другой — к различным проявлениям девиации.

Итак, в отечественной социологической литературе под девиантным поведением понимается всякое поведение, которое не соответствует фактически сложившимся или официально установленным социальным нормам. Термин “девиантность” в основном связывается с негативными, деструктивными явлениями (преступность, наркомания, алкоголизм и т.п.). Если поведение не совпадает с нормами, но не носит деструктивного характера, то его считают просто неконформным (нестандартным) поведением.

Границы между позитивным и негативным девиантным поведением достаточно подвижны, к тому же существует множественность критериев оценки того или иного поведенческого акта. В качестве таковых могут выступать об-

щечеловеческие ценности, ценности данного конкретного социума, а также ценности данной субкультуры.

Все это обуславливает проблему квалификации отклоняющегося поведения. Однако в качестве базового, исходного критерия следует выделить общечеловеческие ценности как принципиальные ориентиры социального прогресса (свобода, справедливость, права человека и т.д.).

Проблема квалификации поведения как нормативного или девиантного заключается в релятивности (относительности) самих социальных норм. Одно и то же действие в разных ситуациях оценивается по-разному (убийство — преступление и убийство — подвиг на войне). Кроме того, общество эволюционирует, и с необходимостью меняются сами социальные нормы, например, отношения права и предпринимательской деятельности в России, моральная оценка добрачных сексуальных связей или отношение к курению — на Западе.

Особенность сложившейся ситуации в России состоит в разрушении прежних образцов поведения и системы его социальной регуляции, что обусловлено развивающейся социальной реальностью и трансформацией массового сознания. Проблема усугубляется и тем, что почти все “субъекты” общественной жизни, утратив в той или иной мере прежнюю социальную идентификацию, находятся в стадии становле-

ния. Но если представители старшего поколения имеют собственный социальный опыт, если у них есть хотя и пошатнувшаяся, но еще достаточно устойчивая система ценностей, то молодые люди включаются в новую социальную реальность без такой базы и без адекватного новым условиям механизма макросоциализации, который был бы способен формировать перспективные модели социального действия, нивелировать неэффективные и предупреждать девиантные формы поведения.

Литература

1. Гилинский Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социс. — 1991. — № 4.
2. Гилинский Я.И., Афанасьев В.С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: Учеб. пос. — СПб., 1993.
3. Димов В.М. Проблемы девиантного поведения российской молодежи: (Социологический аспект) // Вестник МГУ. — Серия 18. Социология и политология. — С. 46.
4. Кудрявцев В.Н. Механизмы социальной деформации // Вопросы философии. — 1989. — №11.
5. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социс. — 1992. — № 2-4.
6. Пеньков Е.М. Социальные нормы. — М., 1990.
7. Стенли Кохен. Народные бесы и моральные паники (Cohen S. Folk devils and Moral Panics. Basil Blackwelle, 1987). — Глава 1. Девиации и моральные паники.
8. Грифин К. Репрезентация молодежи. — М., 1993.